

ДЕТСКИЙ МИР И ВЗРОСЛЫЙ РИМ

Михаилу Казанскому — VIVAT!

Воспитание детей в древнем мире взрослых

Дети и взрослые: правила жизни и правила гигиены

Потустороннее детство: обряд и вещи

Одежда на вырост

Недетские деньги

Ответственный редактор — Анна В. Мастыкова

ISSN: 1857-3533

Stratum plus. No. 4.
Archaeology and Cultural Anthropology

Children's World and Adult Rome

VIVAT to Michel Kazanski!
Educating children in the ancient world of adults
Children and adults: rules of life and hygiene
Childhood afterworld: rite and goods
Clothes a size too big
Unchildlike money

Editor-in-Charge — Anna V. Mastykova

Saint Petersburg. Kishinev. Odesa. Bucharest.
2023

Stratum plus. Nr. 4.
Arheologie și antropologie culturală

Lumea copilăriei și Roma maturității

VIVAT! — pentru Michel Kazanski
Educația copiilor în lumea antică a maturilor
Copiii și maturii: regulile vieții și regulile igienei
Copilăria de dincolo: rit și obiecte
Haină în creștere
Bani deloc copilărești

Redactor responsabil — Anna V. Mastykova

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2023

70-летию
Михаила Михайловича Казанского
посвящается

This issue is dedicated to 70th anniversary of Michel M. Kazanski

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЯРУ — VIVAT!

А. В. Мاستыкова (Москва, Россия). О Михаиле Казанском и его семье	15
Список опубликованных научных трудов М. М. Казанского (сост. А. В. Мастыкова)	35
Фотоальбом	51
В. В. Приймак (Сумы, Украина). Ленинградские исследователи раннеславянских древностей Днепровского лесостепного Левобережья	83

ДЕТИ В МИРЕ ВЗРОСЛЫХ

Т. С. Жумаганбетов (Актобе, Казахстан). Дети и детство у средневековых тюрок VI—VIII вв.	101
Г. В. Требелева (Москва, Россия), А. С. Кизилев (Сочи, Россия), В. С. Смирнов (Москва, Россия). Реконструкция мира детства в древностях Западной Колхиды: взгляд археолога и педагога на артефакты и этнографию	113

ДЕТИ И ВЗРОСЛЫЕ: ОБРАЗ ЖИЗНИ И ПРАВИЛА ГИГИЕНЫ

П. П. Гецко (Симферополь, Крым), Н. Г. Свиркина (Москва, Россия), М. О. Филимонова, С. М. Слепченко (Тюмень, Россия). Комплексное исследование индивидов из двух могил некрополя Кыз-Аул	127
М. В. Добровольская, Н. Г. Свиркина, С. В. Языков, А. Н. Свиридов (Москва, Россия). Образ жизни детей и взрослых варварской округи Херсонеса (по материалам могильников Фронтное 3 и Киль-Дере 1)	139

ДЕТИ ПО ТУ СТОРОНУ ЖИЗНИ

И. Н. Храпунов, А. А. Стоянова (Симферополь, Крым). Гендерные маркеры погребений римского времени из могильника Опушки	155
Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко (Краснодар, Россия). Детские погребения первых веков н. э. из могильника Старокорсунского городища №2	181
С. В. Ярцев, В. Г. Зубарев, Е. В. Шушунова, А. А. Внуков (Тула, Россия). Детские погребения городища «Белинское» и его некрополя	197
С. В. Васильев, Г. А. Белова, А. Б. Савинецкий, С. Б. Боруцкая, Н. В. Харламова (Москва, Россия). Захоронение римского времени в египетском Файюме подростка с собаками	211
А. Н. Свиридов (Москва, Россия). Подбойные детские погребения IV в. н. э. из могильника Фронтное 3	229
А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова (Симферополь, Крым). Детские погребения раннесредневекового некрополя Боспора	239

ВЕЩИ В ДЕТСКОМ ЗАГРОБНОМ МИРЕ

- О. С. Румянцева (Москва, Россия), Д. В. Бейлин (Симферополь, Крым),
И. В. Рукавишникова (Москва, Россия). Стекланные сосуды из детских
погребений могильника «Александровские скалы 1» в Восточном Крыму . . . 261
- А. В. Мастыкова (Москва, Россия). Антропоморфные подвески из детской
могилы некрополя римского времени Фронтное 3: случайность или
закономерность? . . . 277
- А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова (Москва, Россия). Воинские традиции
в детском костюме элиты позднеантичной Фанагории . . . 289
- Э. А. Хайрединова (Симферополь, Крым). Детские погребения с большой пряжкой
из Юго-Западного Крыма . . . 305

ОДЕЖДА НА ВЫРОСТ

- М. В. Любичев (Харьков, Украина), Э. Шультце (Берлин, Германия). Уникальные
фибулы группы *Bügelknopffibeln* на могильнике позднеримского
времени Войтенки . . . 325
- В. Н. Зинько (Керчь, Крым). Фибулы из раскопок боспорского города Тиритака
(этнический маркер или ...?) . . . 349
- А. А. Кадиева, С. В. Демиденко (Москва, Россия). Новая находка провинциально-
римских шарнирных брошей с эмалью и мозаичным стеклом на Северном
Кавказе . . . 355
- М. М. Казанский (Париж, Франция), М. Е. Ткачук, Д. А. Топал (Кишинев, Молдова).
Княжеская фибула из села Рэзень . . . 365

НЕДЕТСКИЕ ДЕНЬГИ

- М. М. Чореф (Нижневартовск, Россия). Статеры Тейрана с обозначением даты
выпуска ГЭФ как источник исторической информации . . . 377
- А. М. Воронцов (Тула, Россия). Тульский феномен: новые находки позднеримских
бронзовых монет с правобережья верхней Оки . . . 387

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

- А. М. Обломский (Москва, Россия). Раннеславянские памятники в среднем
течении р. Ворона . . . 409
- Список сокращений . . . 427
- Авторам *Stratum plus* . . . 429

C O N T E N T S

VIVAT TO MICHEL KAZANSKI!

A. V. Mastykova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). About Michel Kazanski and his Family . .	15
M. Kazanski's scientific bibliography (compiled by A.V. Mastykova)	35
Photo Album	51
V. V. Pryimak (<i>Sumy, Ukraine</i>). Leningrad Researchers of Early Slavic Antiquities in the Dnieper Left Bank Forest-steppe	83

EDUCATING CHILDREN IN THE ANCIENT WORLD OF ADULTS

T. S. Zhumaganbetov (<i>Aktobe, Kazakhstan</i>). Children and Childhood among the Medieval Türks. 6th—8th Centuries	101
G. V. Trebeleva (<i>Moscow, Russian Federation</i>), A. S. Kizilov (<i>Sochi, Russian Federation</i>), V. S. Smirnov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Reconstruction of Childhood in the Antiquities of Western Colchis: an Archaeologist's and Pedagogue's View of Artifacts and Ethnography	113

CHILDREN AND ADULTS: RULES OF LIFE AND HYGIENE

P. P. Getsko (<i>Simferopol, Crimea</i>), N. G. Svirkina (<i>Moscow, Russian Federation</i>), M. O. Filimonova , S. M. Slepchenko (<i>Tyumen, Russian Federation</i>). A Comprehensive Study of Individuals from Two Graves of the Kyz-Aul Necropolis	127
M. V. Dobrovolskaya , N. G. Svirkina , S. V. Yazikov , A. N. Sviridov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). The Lifestyle of Children and Adults in the Barbarian Environ of Chersonesos (Based on Materials from Frontovoe 3 and Kil-Dere 1 Necropolises) . .	139

CHILDHOOD AFTERWORLD: RITE AND GOODS

I. N. Khrapunov , A. A. Stoianova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Gender Markers of the Roman-period Burials in the Cemetery of Opushki	155
N. Yu. Limberis , I. I. Marchenko (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>). Child's Burials of the First Centuries A.D. in the Burial Ground of Starokorsunskaya Settlement No. 2 . .	181
S. V. Yartsev , V. G. Zubarev , E. V. Shushunova , A. A. Vnukov (<i>Tula, Russian Federation</i>). Children's Burials of the Ancient "Belinskoye" Settlement and its Necropolis . .	197
S. V. Vasilyev , G. A. Belova , A. B. Savinetskiy , S. B. Borutskaya , N. V. Kharlamova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). A Roman Time Burial of a Teenager with Dogs in Egyptian Fayum	211
A. N. Sviridov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Children's Niche Graves of the 4th Century AD from Frontovoe 3 Cemetery	229
A. I. Aibabin , E. A. Khairedinova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Children's Burials from an Early Medieval Necropolis in the Bosphorus Lane	239

GOODS IN CHILDREN AFTERWORLD

- O. S. Rumyantseva** (*Moscow, Russian Federation*), **D. V. Beylin** (*Simferopol, Crimea*),
I. V. Rukavishnikova (*Moscow, Russian Federation*). **Glass Vessels from the Children's
 Burials of the Alexandrovskie Skaly 1 Necropolis in the Eastern Crimea** 261
- A. V. Mastykova** (*Moscow, Russian Federation*). **Anthropomorphic Pendants from a
 Children's Grave in a Roman Period Necropolis Frontovoe 3: Coincidence or
 Regularity?** 277
- A. N. Voroshilov, O. M. Voroshilova** (*Moscow, Russian Federation*). **Warrior Traditions
 in Elite Children Clothes from Late Antique Phanagoria** 289
- E. A. Khairedinova** (*Simferopol, Crimea*). **Children's Burials with a Great Buckle
 from the South-western Crimea** 305

CLOTHES A SIZE TOO BIG

- M. V. Lyubichev** (*Kharkiv, Ukraine*), **E. Schultze** (*Berlin, Germany*). **Unique Brooches
 of the *Bügelknopffibeln* Group at the Burial Ground of the Late Roman
 Period Voitenki** 325
- V. N. Zin'ko** (*Kerch, Crimea*). **Fibulae from the Excavations of the Bosporan City of
 Tyritake (either an Ethnic Marker or ...?)** 349
- A. A. Kadieva, S. V. Demidenko** (*Moscow, Russian Federation*). **A New Find of Provincial
 Roman Brooches with Enamel and Mosaic Glass in the Northern Caucasus . . .** 355
- M. M. Kazanski** (*Paris, France*), **M. E. Tkachuk, D. A. Topal** (*Kishinev, Moldova*).
Princely Fibula from the Răzeni Village 365

UNCHILDLIKE MONEY

- M. M. Choref** (*Nizhnevartovsk, Russian Federation*). **Teiranes's Staters with Issue Date
 Designation ΓΞΦ as Source of Historical Information** 377
- A. M. Vorontsov** (*Tula, Russian Federation*). **Tula Phenomenon: New Finds of the Late
 Roman Bronze Coins from the Right Bank of the Upper Oka** 387

NEW MATERIALS AND STUDIES

- A. M. Oblomskiy** (*Moscow, Russian Federation*). **Early Slavic Archaeological Sites
 in the Middle Reaches of the Vorona River** 409

Abbreviaations 427

Submissions 429

О. С. Румянцева, Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишникова

Стеклянные сосуды из детских погребений могильника «Александровские скалы 1» в Восточном Крыму

Keywords: Bosphorus, glassware, Roman times, children's burials, funerary rite, balsamarium, guttus

Cuvinte cheie: Bosfor, veselă din sticlă, perioada romană, morminte de copii, rit funerar, balsamariu, guttus

Ключевые слова: Боспор, стеклянная посуда, римское время, детские захоронения, погребальный обряд, бальзамарий, гуттус

O. S. Rumyantseva, D. V. Beylin, I. V. Rukavishnikova

Glass Vessels from the Children's Burials of the Alexandrovskie Skaly 1 Necropolis in the Eastern Crimea

We publish a collection of glass vessels originating from a burial ground of the 1st—2nd centuries AD, excavated in the vicinity of Kerch. We discuss their assortment, chronology, and role in the funerary rite. A characteristic feature of the funerary rite is the predominance of perfume vessels in children's burials, i.e. balsamaria of various sizes, and almost complete absence of tableware, characteristic mainly of male graves. The planigraphic distribution of burials with glass vessels in burial mound 2 allows us to identify, preliminarily, two stages of their circulation here: the early one, when all of them were probably still imported from afar, and the later one, reflecting the wider spread of glassware in the region — including, possibly, local production, by the late 1st century AD. The predominance of vessels, which spread widely on the Bosphorus towards the late 1st — early 2nd century, suggests that the formation of some elements of the burial rite associated with the use of glass vessels as grave goods could be directly related to the beginning of their wide circulation in the region.

O. S. Rumyantseva, D. V. Beylin, I. V. Rukavishnikova

Vasele de sticlă din mormintele de copii ale necropolei „Aleksandrovskie Skaly 1” în Crimeea de Est

În articol este discutată colecția de vase de sticlă ce provin din necropola sec. I—II e.n. dezvelită nu departe de Kerch. Este analizat sortimentul lor, cronologia, locul în cadrul ritului funerar. Trăsătură caracteristică a ritului este predominarea în mormintele de copii a veselei de parfumerie — flacoane și balsamarii cu lipsa totală a celei de bucătărie, caracteristice preponderent pentru mormintele de bărbați. Distribuirea planografică a mormintelor cu vase în tumulul 2 ne permite să delimităm preliminar două etape de răspândire aici a pieselor din sticlă: timpurie, când ele toate încă erau, probabil, obiecte de import îndepărtat, și mai târzie, ce reflectă o răspândire mai largă aici a pieselor din sticlă — inclusiv, probabil, de producție locală, către sfârșitul sec. I e.n. Ponderea în sit a vaselor larg răspândite în Bosfor, mai aproape de sfârșitul sec. I/începutul sec. II, ne vorbește, probabil, de faptul că constituirea definitivă a unor elemente de rit, legat de amplasarea vaselor de sticlă în mormânt, putea fi legată direct de începutul utilizării lor masive în regiune.

О. С. Румянцева, Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишникова

Стеклянные сосуды из детских погребений могильника «Александровские скалы 1» в Восточном Крыму

В статье рассматривается коллекция стеклянных сосудов, происходящих из могильника I—II вв. н.э., раскопанного недалеко от г. Керчь. Анализируются их ассортимент, хронология, место в погребальном обряде. Характерной чертой обряда является преобладание в детских захоронениях парфюмерной посуды — флаконов и бальзамариев, при практически полном отсутствии столовой, характерной преимущественно для мужских могил. Планиграфическое распределение погребений с сосудами в кургане 2 позволяет предварительно выделить два этапа распространения здесь изделий из стекла: ранний, когда все они еще были, вероятно, предметами далекого импорта, и более поздний, отражающий более широкое распространение здесь стеклянных изделий — в т.ч., возможно, местного производства, к концу I в. н.э. Преобладание на памятнике сосудов, широко распространившихся на Боспоре ближе к концу I/началу II в., говорит, вероятно, о том, что окончательное сложение некоторых элементов обряда, связанного с помещением стеклянных сосудов в захоронение, могло быть обусловлено с началом ее массового использования в регионе.

The paper has been prepared in the framework of the state research programme of the RAS Institute of Archaeology, no. 122011200267-0 ■ Articolul a fost redactat în cadrul sarcinii de plan a IA AȘR, nr. 122011200267-0 ■ Статья подготовлена в рамках планового задания ИА РАН, №ИОКТР 122011200267-0

© Stratum plus. Археология и культурная антропология.

© О. С. Румянцева, Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишникова, 2023.

Первый век нашей эры стал временем широкого распространения стеклотувного производства, и, как следствие этого, изделий из стекла в Восточном Средиземноморье и Европе. Выдувные стеклянные сосуды, перестав быть предметами роскоши, входят как в повседневный обиход жителей империи и зон ее влияния, так и в их погребальные практики. Одним из регионов Восточной Европы, где изделия из стекла получают в это время особенно широкое распространение, было Северное Причерноморье и, в частности, Боспорское царство. В данной статье мы рассмотрим стеклянные изделия, происходящие из детских захоронений могильника «Александровские скалы 1» в Восточном Крыму. В задачи работы входит публикация обнаруженных здесь стеклянных сосудов, анализ их назначения, хронологии, возможного происхождения, а также места в детском погребальном обряде, особенностей и эволюции его элементов, связанных с использованием в погребальных практиках сосудов из стекла.

Могильник «Александровские скалы 1» находится в 10 км к западу от города Керчь (рис. 1). В 2017 году могильник исследовался экспедицией Института археологии РАН. Изученные участки некрополя римского времени датируются I—II вв. н. э. Один из участков могильника располагался в насыпи кургана эпохи средней бронзы (курган 1), а второй (курган 2) — занимал территорию вокруг естественного скального массива (подробнее см: Бейлин, Рукавишникова 2018). Из погребений исследованных участков могильника происходят 114 стеклянных сосудов, из которых 21 обнаружен в 17 захоронениях детей возрастом до 12 лет¹.

Среди полных форм стеклянных сосудов, происходящих из детских могил, фактически нет столовой посуды. Подавляющее их большинство представлено балызамариями или флаконами (16 сосудов и, предположительно, один обломок стенки); среди единичных форм — два гуттуса, миниатюрный кувшинчик, и три фрагмента — предположительно от балызамария, стакана и небольшого кувшинчика (табл. 1).

¹ В нескольких из этих погребений захоронены одновременно взрослый и ребенок. В работе рассматриваются сосуды, связанные именно с детскими захоронениями. Антропологическое исследование было проведено Марией Всеволодовной Добровольской в Лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН (г. Москва).

Рис. 1. Местоположение могильника «Александровские скалы 1».

Fig. 1. Location of the Alexandrovskiy skaly 1 necropolis.

Описание находок

Гуттусы, или капельники (рис. 2: 1, 2), встречены в двух детских захоронениях в Александровских скалах. Один из них (рис. 2: 1) происходит из погребения 62 кургана 1, которое принадлежало ребенку возрастом до двух лет. У него овоидное тулово, вытянутое к носику, с плавным переходом к цилиндрическому горлу, имеющему легкий наклон. Общие очертания сосуда напоминают птицу, что характерно для гуттусов данного вида. Венчик изогнут, образуя валик у края. Край сбит со стеклотувной трубки и не обработан. Дно вогнутое, без следов понтии. Край носика оплавлен. Сосуд изготовлен из прозрачного стекла с естественным голубоватым оттенком, в котором присутствуют довольно крупные пузырьки. Высота сосуда составляет 9,4 см (высота тулова — 4,6 см, горла — 4,8 см), диаметр края венчика — 2 см, диаметр основания горла — 2 см, размер дна — 2,5 × 3 см.

Второй гуттус (рис. 2: 2) был найден в погребении 108 кургана 2. Кости в погребении не обнаружены, однако небольшой размер могильной ямы (130 × 80 см) говорит о том, что оно принадлежало, скорее всего, ребенку или подростку. Тулово сосуда неправильной формы, с выделенными плечиками, вытянуто к носику; край носика не сохранился. Переход от тулова к слегка наклоненному горлу плавный. Венчик сосуда отогнут наружу, край загнут внутрь. Дно вогнутое, без следов понтии. Сосуд изготовлен из прозрачного стекла с естественным желтовато-зеленым оттенком. В стекле присутствуют единичные включения железной окарины, есть малочисленные, но довольно крупные газовые

Таблица 1.

Детские погребения со стеклянными сосудами

№ кургана	№ погребения	Антропологическое определение	Наименование стеклянного сосуда	Местоположение относительно скелета	Ссылка на рисунок
Курган 1	Погребение 7	Ребенок, 1—2 года	бальзамарий, I2Д	— (к 3 от пятна тлена)	Рис. 4: 9
	Погребение 55	Ребенок около 1 года	бальзамарий, I2Г	В углублении у ЮВ борта	Рис. 4: 8
	Погребение 62	Ребенок, до 2 лет	гуттус	—	Рис. 2: 1
			кувшинчик	(в СВ части ямы)	Рис. 2: 3
Курган 2	Погребение 97	Ребенок, около 8 лет	флакон, тип 1	У черепа	Рис. 3: 1
	Погребение 4	Ребенок, 3,5—4,5 года	бальзамарий, I2А	У черепа	Рис. 3: 4
	Погребение 5	Ребенок, ок. 10 лет	Кувшинчика (?) фрагмент	За головой	Рис. 2: 4
	Погребение 22	Девушка, ок. 12 лет	Бальзамарий, I2Г	У черепа	Рис. 4: 4
	Погребение 53	Ребенок, 5—7 лет	Бальзамарий, I2Г	На правой бедренной кости	Рис. 4: 5
	Погребение 54	Ребенок, около 4 лет	Бальзамарий, I2Г	— (в кротовине)	Рис. 4: 6
	Погребение 58	Ребенок, до 1 года	Бальзамарий, I2В	В ногах	Рис. 4: 1
	Погребение 66	Ребенок, 9—10 лет	Бальзамарий, I2В	У правой голени	Рис. 4: 2
	Погребение 68	Ребенок, 3—4 года + ребенок 8—10 лет	Бальзамарий, I2А	В ногах у ребенка 3—4 лет	Рис. 3: 5
	Погребение 81	Ребенок, 8—9 лет	Флакон, тип 2	В ногах	Рис. 3: 2
	Погребение 90	Ребенок, 4—5 лет + взрослый > 30 лет	Бальзамариев фрагменты, I2В(?) и I2Г	На плите перекрытия, не in situ	—
	Погребение 92	Ребенок, 5—7 лет	Бальзамарий, I2В(?)	в области левого колена	Рис. 4: 2
			Флакон	В ногах	Рис.3: 3
			Стакана (?) донце	Под левой плечевой костью	Рис. 2: 5
			Бальзамария придонная часть стенки	У края могильной ямы со стороны ног	Рис. 3: 7
	Погребение 108	Ребенок или подросток (по размеру ямы)	Гуттус	— (нет скелета)	Рис. 2: 2
			Бальзамарий, I1Б или В		Рис. 3: 6
	Погребение 112	Женщина, 34—45 лет + ребенок ок. 8 лет	Бальзамария донце + у женщины: флакон тип 2, бальзамарий тип I2В, флакона фр-т – у женского скелета	У детского захоронения: среди костей скелета	Рис. 4: 10
	Погребение 132	Ребенок, ок. 8 лет	Бальзамарий, I2Г	— (скелет не сохр.)	Рис. 4: 7

Типы бальзамариев и флаконов по: Кунина, Сорокина 1972.

пузырьки. Высота сосуда — 9 см (тулова — 4,4 см, горла — 4,6 см), диаметр края венчика — 3 см, основания горла — 2,6 см; максимальный диаметр тулова — 5,5 см. Размер дна — 2,7×3 см.

Назначение подобных сосудов дискуссионное. Считается, что их могли использовать в медицине (для закапывания капель) или для хранения дорогостоящих жидкостей (ароматических масел?), которые расходуются по каплям. С помощью них удобно было заполнять светильники маслом. Считается, что их также использовали в качестве рожков для кормления детей, однако эта версия представляется спорной и имеет противников (Сорокина 1977: 141—142; Fünfschilling 2015: 416—417).

Форма гуттусов отличалась стабильностью на протяжении длительного времени, вследствие чего они имеют широкую датировку — I/II—IV вв. (Сорокина 1977: 141—142; Шабанов 2015: 30, 61). В Северном Причерноморье они получают распространение с первой половины II в. (Сорокина 1990: 73). Среди гуттусов, распространенных в Европе в римское время, выделяются две группы по способу изготовления и крепления носика к сосуду. В первом случае носик получался оттяжкой одной из сторон тулова сосуда; в качестве

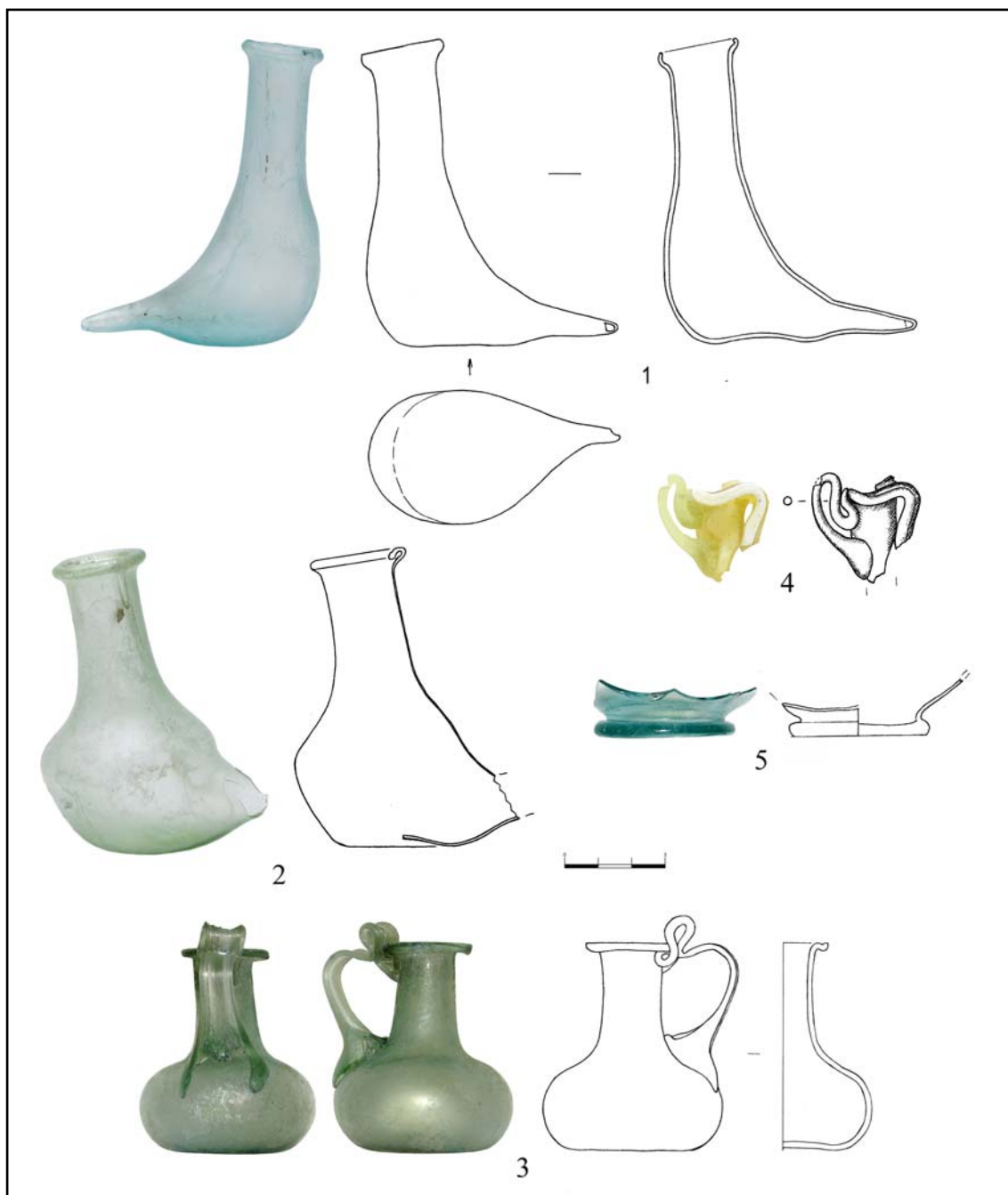

Рис. 2. Редкие формы сосудов из детских погребений. 1 — курган 1, погр. 62; 2 — курган 2, погр. 108; 3 — курган 1, погр. 62; 4 — курган 2, погр. 5; 5 — курган 2, погр. 92.

Fig. 2. Vessels of individual types from children's burials. 1 — burial mound 1, burial 62; 2 — burial mound 2, burial 108; 3 — burial mound 1, burial 62; 4 — burial mound 2, burial 5; 5 — burial mound 2, burial 92.

основы для таких гуттусов всегда использовались флаконы. В итоге получалась форма, напоминающая фигурку птицы (Сорокина 1990: 71; Ștefanac 2009 и др.). Именно эта форма встречена в обоих захоронениях в «Александровских скалах».

При изготовлении вторым способом носик формовался из отдельной порции стекла и крепился к сосуду. Существуют два ва-

рианта реконструкции этого метода. По версии И. П. Сорокиной, носик делался в виде небольшого пузыря, «придувавшегося» на месте прокола тулова (1990: 71). Согласно другой версии, небольшое количество горячего стекла накладывалось на стенку сосуда, затем при помощи заостренного инструмента в наложенной порции стекла и в стенке сосуда делалось отверстие. Затем,

извлекая инструмент, мастер одновременно вытягивал при помощи него носик (Mentasti, Tirelli 2010: 92). Гуттусы, изготовленные подобным способом, обычно представляют собой колбы или кувшинчики с шаровидным туловом, часто с ручкой.

Различаются как зона распространения гуттусов двух разных групп, так и, возможно, их назначение.

Распространение и происхождение. Наибольшее количество гуттусов I группы — флаконов с носиком, сформованным из стенки тулова, учтено на сегодня в Северном Причерноморье — свод Н.П. Сорокиной включает 34 изделия, из которых 17 происходят с территории Боспорского царства; все учтенные ею датированные находки обнаружены в комплексах II—III вв. (Сорокина 1990: 73). Для боспорских сосудов характерны четко выделенные плечики, как у сосуда из погребения 108 кургана 2 Александровских скал. Помимо Боспора, в Северном Причерноморье капельники происходят также из Херсонеса и его окружи (Н.П. Сорокиной учтено 5 сосудов; по данным В.М. Зубаря (1982: 93), в некрополе Херсонеса они встречаются с материалом I—IV вв.); в предгорном Крыму три гуттуса были найдены в могильнике Совхоз 10, в комплексах II—IV вв., один — в склепе IV в. Инкерманского могильника (Сорокина 1990: каталог; Шабанов 2015: 30). Гуттусы первой группы были распространены также в Центральной и Южной Европе. В Паннонии эта форма, как с выраженными плечиками, так и без них, распространяется с начала II в. и, за редким исключением, перестает использоваться с последней трети III в., причем на лимесе они встречаются чаще, чем на «внутренней» территории провинции (Barkóczy 1988: 126). Экземпляры, наиболее близкие по форме и конструкции находкам из Александровских скал и Северного Причерноморья в целом, происходит из Шаварии и Интерцизы (Barkóczy 1988: cat. N 248, 250). Серия гуттусов данной формы встречена в Далмации, в частности — в некрополе Ядеры (Задара), четыре из них имеют овоидное тулово, у одного — выделенные плечики; они датируются II — началом III в. Один экземпляр, хранящийся в Музее стекла в Мурано, происходит из Южной Либурии (Štefanac 2009: 117—118). Подобные гуттусы происходят также с Апеннинского полуострова, Трансильвании (Štefanac 2009: 117—118), и с территории современной Словении (Птуй, Дрново) (Lazar 2003: 203). На территории Сербии (провинции Верхняя Мезия, Паннония) учтено девять гут-

тусов с овоидным туловом, которые датируются I—IV вв. (Ružić 1994: 53; Tabl. XLI). Гуттусы птицевидной формы встречаются на территории Румынии, Греции и Италии (Аквилия, Сардиния), их спорадические находки известны также в Черногории, Боснии и Герцеговине и Восточной Хорватии (Whitehouse 1997: 122; Štefanac 2009: 120). Происхождение капельников первой группы исследователи связывают с Восточным Средиземноморьем. Они были распространены на территории Сирии и особенно многочисленны на Кипре (Сорокина 1977; 1990; Whitehouse, 1997: 122; Štefanac 2009: 119). Однако, учитывая зону их концентрации в европейских провинциях Римской империи, Б. Штефанац предположил, что их производство могло существовать в Северной Италии и Паннонии, где в качестве образцов изначально были взяты восточносредиземноморские формы (Štefanac 2009: 120). Учитывая высокую концентрацию находок гуттусов данной группы на Боспоре, а также наличие у большинства из них характерного признака — выделенных плечиков, нельзя, вероятно, исключать наличие здесь их производства — также по восточносредиземноморским образцам. В этом случае к местной серии можно было бы отнести находку из погребения 108 — с выделенными плечиками и завернутым внутрь краем венчика (рис. 2: 2). Гуттус из погребения 62 (рис. 2: 1) имеет как форму тулова, так и способ оформления венчика, не характерные для боспорских форм.

Гуттусы второй группы, имеющие форму колб или кувшинчиков с накладными носиками, широко известны как в Восточном Средиземноморье (прежде всего, в Тире), так и в западных провинциях Римской империи. Однако, в отличие от форм группы 1, они наиболее широко распространены в Западной Европе: в Галлии, на Рейне, в Британии; серия таких гуттусов происходит из Аугусты Раурики (современная Швейцария). На территории Западной Европы они имеют широкую датировку — от первой половины/середины I до IV в., при этом в большей степени характерны для второй половины II—III вв. (Isings 1957: 118; Type 99; Štefanac 2009: 113; Fufschilling 2015: 416, 437—438, AR 149, 167; Cool, Price 1985: 217—219). Как и гуттусы группы 1, они хорошо известны на Апеннинском полуострове (Равенна, Аквилия) (Štefanac 2009: 113, там же см. ссылки). Единичные формы этой группы спорадически встречаются в Центральной и Южной Европе — в Далмации (некрополь Задара, конец I — первая половина II в.; Štefanac 2009: 113); в Дрново и Птуе (Поэтовия, совре-

менная Словения) серия сосудов данного типа происходит из контекстов I—III вв. (Lazar 2003: 202—203, fig. 53: 10.2.2). Один из наиболее поздних экземпляров гуттусов данной серии происходит из Паннонии, где он датируется концом IV — началом V в. В Северном Причерноморье они практически не известны: здесь учтен лишь один сосуд (возможно, два) данной группы, в то время как гуттусов группы 1 известно более 30 (Сорокина 1990: кат. №11; рис. 1: 10).

Обсуждая возможное происхождение капельников второй группы, исследователи обращали внимание на то, что в восточных провинциях империи были распространены сосуды без ручек, а в западноевропейских провинциях — с ручками (формы Is-99, AR-149, 167). Их генезис, безусловно, связан с Восточным Средиземноморьем, однако вероятно, что они производились также и в Западной Европе; выпускавшие их мастерские, однако, неизвестны (Štefanac 2009: 114).

Возможное назначение. Исследователи отмечают, что гуттусы группы 2 часто происходят из детских погребений, указывая на возможность их использования в качестве бутылочек для кормления. Соран Эфесский, римский врач греческого происхождения конца I — начала II в., упоминает в своих трудах *titina* — сосуды для кормления детей, по форме напоминающие грудь. Анализ химического состава содержимого археологических находок подтверждает эту гипотезу: в стеклянном и керамическом гуттусах данной группы, происходящих из захоронения в окрестностях Кёльна, были обнаружены компоненты молока (Štefanac 2009: 114). В литературе высказывалась даже версия о том, что такие сосуды могли служить емкостями для сцеживания и хранения излишков материнского молока (Fünfschilling, 2015: 416).

Относительно сосудов группы 1 исследователи неоднократно выражали сомнения в том, что они могли использоваться как бутылочки для кормления, указывая на их маленький объем и конструктивные особенности (ссылки см.: Сорокина 1977; Štefanac 2009: 120). Таким образом, назначение сосудов разных групп также, вероятно, различалось.

В могильнике «Александровские скалы 1» из детских захоронений происходят все обнаруженные здесь гуттусы — два стеклянных и четыре керамических; в могилах взрослых они отсутствуют. В трех случаях (два керамических сосуда и стеклянный из погребения 62) они были захоронены с детьми возрастом 1—2 лет. В двух случаях керамические сосу-

ды происходят из захоронений детей постарше, 3 и 3—5 лет — следовательно, их вряд ли можно связывать с употреблением грудного молока. В могильнике Совхоз 10 два стеклянных гуттуса, относящихся к первой группе, также связаны с детскими захоронениями (могилы 70 и 76а, возраст детей определить не удалось); третий происходит из кремации. Таким образом, связь гуттусов именно с детскими захоронениями здесь очевидна. Авторы публикации некрополя Совхоз 10 предположили, что они могли использоваться в качестве поилок (Стржелецкий и др. 2003—2004).

Крайне интересно при этом, что стеклянные и керамические гуттусы из «Александровских скал» различаются конструктивно. Глиняные экземпляры по форме и расположению носика ближе к стеклянным капельникам группы 2, не получившим распространение в Северном Причерноморье (за исключением одного сосуда, который по форме напоминает ритон), вероятная связь которых с кормлением детей подтверждается аналитически. К сожалению, назначение капельников первой группы остается на сегодня неизвестно. Несмотря на связь всех гуттусов с детскими захоронениями, мы не знаем, различалось ли их назначение или было общим.

Стеклянный миниатюрный кувшинчик (рис. 2: 3) происходит из могилы 62 кургана 1, где он был обнаружен вместе с одним из стеклянных гуттусов. Могила принадлежала ребенку возрастом до двух лет. Сосуд имеет сферическое тулово, слегка сжатое по вертикали, которое плавно переходит в цилиндрическое горло. Венчик отогнут наружу, край загнут внутрь. Дно вогнутое, с кольцевидным следом понтии. Плоская лентообразная ручка, профилированная двумя ребрами, плавно изогнута и образует петлю над венчиком. Верхним концом она крепится к горлу сосуда под венчиком, нижним — к плечу. Стекло прозрачное, с зеленоватым оттенком. Высота сосуда составляет 6,2 см (высота тулова — 3,2 см, горла — 3 см), диаметр края венчика — 2,8 см, дна — 3,4 см; максимальный диаметр тулова — 5,7 см. Кувшинчик представляет собой редкую форму, точных аналогов которой найти не удалось. Наиболее близкая форма происходит с территории Словении (Стари Трг, Словень Градец (Stari trg pri Slovenj Gradcu — римский Колатио), погребение 8), из контекста II в.; еще одна находка известна в Аквиле. По конструктивным особенностям И. Лазар относит эти формы к концу I — первой половине II в. (Lazar 2003: 129—130). Отсутствие точных анало-

Рис. 3. Флаконы и бальзамарии из детских погребений. 1 — курган 1, погр. 97; 2 — курган 2, погр. 81; 3 — курган 2, погр. 92; 4 — курган 2, погр. 4; 5 — курган 2, погр. 68; 6 — курган 2, погр. 108; 7 — курган 2, погр. 92.

Fig. 3. Balsamaria from children's burials. 1 — burial mound 1, burial 97; 2 — burial mound 2, burial 81; 3 — burial mound 2, burial 92; 4 — burial mound 2, burial 4; 5 — burial mound 2, burial 68; 6 — burial mound 2, burial 108; 7 — burial mound 2, burial 92.

гий затрудняет определение назначения данного сосуда. Конструктивные особенности и размер сближают его с небольшими сосудами с ручками, использовавшимися для масла в термах и связанного с банными ритуалами у мужского населения в Греции и Римской империи (Lazar 2003: 171—172; Gregl, Lazar 2008: 81). Однако, учитывая его происхождение из погребения ребенка до 2 лет, эту версию можно, вероятно, исключить. Можно было бы связывать небольшой размер кувшина с его присутствием в детском захоронении, однако практики использования миниатюрной стеклянной посуды в детских захоронениях на Боспоре мы не наблюдаем.

Все остальные формы сосудов представлены **бальзамариями** — сосудами для ароматических масел и благовоний (16 шт., рис. 3, 4). Бальзамарии были широко распространены в римское время, и центры их производ-

ства также, очевидно, были многочисленны, что позволяет выделять их локальные особенности для разных регионов (Гущина, Журавлев 2016: 69; Стржелецкий и др.: 2003—2004). Тем не менее, хорошо выделяются общие закономерности развития их форм во времени (см., например, Isings 1957; Foy, Nenna 2001: 150—160 и многие другие). Для бальзамариев Боспора Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной на большой выборке материалов была разработана дробная хронологическая шкала (1972), на которую мы, прежде всего, опираемся в данной работе. В то же время, за пределами Боспора те же типы сосудов часто имеют более широкие датировки (см. ниже).

Три находки в данной группе сосудов — флаконы высотой менее 7 см (рис. 3: 1—3), два — небольшие бальзамарии высотой 7,9—8,6 см (рис. 3: 4, 5); остальные — сосуды стандартных размеров и форм высотой

Рис. 4. Бальзамарии массовых типов. 1—3 — курган 2, погр. 58, 66, 92; 4—7 — курган 2, погр. 22, 53, 54, 132; 8—9 — курган 1, погр. 55, 7; 10 — курган 2, погр. 112; 11—12 — курган 2, погр. 90.

Рис. 4. Balsamaria of mass types. 1—3 — burial mound 2, burials 58, 66, 92; 4—7 — burial mound 2, burials 22, 53, 54, 132; 8—9 — burial mound 1, burials 55, 7; 10 — burial mound 2, burials 112; 11—12 — burial mound 2, burial 90.

10—12,5 см (рис. 4). Все полные формы этой группы отличает наличие отогнутого наружу венчика с завернутым внутрь краем.

Флаконы происходят из трех захоронений, принадлежащих детям 6—7 и 8—9 лет — погребения 97 кургана 1 и из погребений 81 и 92 кургана 2.

Флакон из погребения 97 кургана 1 (рис. 3: 1) имеет тулово «грушевидной» формы, с плавным переходом к цилиндрическому горлу, не имеющему перехвата у основания. Дно плоское, с кольцевидным следом понтии в виде накладной стеклянной нити. Высота сосуда составляет 6,6 см (высота тулова — 3 см, горла — 3,6 см), максимальный диаметр тулова — 3,2 см, края венчика — 1,5 см, дна — 1,8 см. Стекло прозрачное с голубоватым оттенком. В стекле довольно много пузырьков, есть включения железной окалины, обычно указывающие на вторичное использование стекла. По форме этот сосуд близок типу I боспорских флаконов, выделенных Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной (1972: 169).

Флакон из погребения 81 кургана 2 (рис. 3: 2) сохранился фрагментарно. Он имеет шаровидное тулово и цилиндрическое горло с перехватом у основания. Дно плоское, без следов понтии. Венчик не сохранился. Высота сохранившейся части — 4,1 см (в т.ч. тулова — 2,2 см), максимальный диаметр тулова — 2,8 см, основания горла — 1 см, дна — 1,8 см. Стекло прозрачное с голубым оттенком, без видимых дефектов. Относится к типу II боспорских флаконов (Кунина Сорокина 1972: 169).

Н.З. Кунина и Н.П. Сорокина (1972: 169) датировали боспорские флаконы с грушевидной формой тулова (тип I) первой половиной I в.н.э., а с шаровидной (тип II) — I — началом II в. Оба типа флаконов были широко распространены в римских провинциях в I в.н.э., при этом время наибольшего распространения грушевидных форм приходится на первую половину — вторую треть I в. (Isings 1957: 22, 42, types 6, 28a; Fünfschilling 2015: 402, 403, Type AR-127—129; Mentasti, Tirelli 2010: 148—151; Foy, Nenna 2001: 157—158 и многие другие; ссылки на находки из Восточного Средиземноморья см. также Кунина, Сорокина 1972: 169). Относительно высокого горла, отсутствие выраженного перехода к тулову и наличие следа понтии на дне говорит, скорее, об относительно поздней дате находки из погребения 97 Александровских скал в рамках периода бытования грушевидных сосудов: в частности, следы понтии на сосудах появляются

ся в римских провинциях не ранее середины — второй половины I в. (Isings 1957: 22, 42; Whitehouse 2015: 58).

Значительная часть западноевропейских находок отличается от находок из Александровских скал, как и большинства других северопричерноморских изделий, способом обработки края, маркируя, очевидно, иное их происхождение. Края у них оплавлены или сколоты со стеклодувной трубки, при том что форма самих сосудов часто идентична (Isings 1957: 22; Fünfschilling 2015: 402; Mentasti, Tirelli 2010: 148—151).

Флакон, происходящий из погребения 92 кургана 2 (рис. 3: 3), имеет асимметричное тулово полусферической формы, плавно переходящее в цилиндрическое горло. Дно вогнутое, с кольцевидным следом понтии. Высота сосуда — 6,8 см (тулова — 2,8 см, горла — 4 см), максимальный диаметр тулова — 3,2 см, края венчика — 1,9 см, основания горла — 1,5 см, дна — 2,5 см. Стекло прозрачное, с голубоватым оттенком, имеет признаки непрогрева стекломассы и множественные включения железной окалины; встречаются единичные очень крупные пузырьки. Все эти признаки свидетельствуют о том, что при изготовлении этого сосуда использовалась высокая доля стеклобоя.

По форме данный сосуд не может быть отнесен ни к одному из трех типов флаконов, выделенных Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной по боспорским материалам, однако близок типу III более крупных бальзамариев той же типологии. Немногочисленные находки бальзамариев этого типа на Боспоре были датированы серединой — третьей четвертью I в. (1972: 168). Близкая ему аналогия происходит из погребения 1 кургана 11 Танаиса второй половины II — рубежа II/III вв. (Толочко 2003: рис. 79; цит. по: Шаров 2022: 83, рис. 145: 10). По типологии К. Айсингс он занимает промежуточное положение между подтипами 28a и 28b по соотношению высоты горла и тулова (Isings 1957: 43). Серия сосудов близкой формы, в т.ч. флаконов и небольших бальзамариев высотой от 4 до 8 см, происходит с территории Словении, где их дата определяется второй половиной I—II вв.н.э. (Gregl, Lazar 2008: 136, cat. №37; Lazar 2003: 181, type 8.6.5).

Бальзамарий редкого типа, изготовленный из темно-зеленого прозрачного стекла (рис. 3: 6), происходит из погребения 108 кургана 2. Сосуд имеет коническое тулово с четким переходом к цилиндрическому горлу, имеющему перехват у основания. Дно вогнутое,

без следа понтии. Высота сосуда составляет 12,5 см (тулово — 4,8 см, горло — 7,7 см), максимальный диаметр тулова — 5 см, края венчика — 3,8 см, основания горла — 2 см, дна — 4,2 см. Стекло высокого качества, без дефектов. Бальзамарий занимает промежуточное положение между типами I1B (середина I — первая половина II в.) и I1B боспорских бальзамариев, датированных второй половиной I — началом/второй четвертью II в. Н.З. Кунина и Н.П. Сорокина связывали происхождение бальзамариев темно-зеленого стекла с Египтом (1972: 157). Сегодня исследователи предполагают, что происхождение темно-зеленого прозрачного стекла I в.н.э., имеющего особый состав, может быть связано с Египтом (Jackson, Cottam 2015: 146).

Еще один фрагмент придонной части стенки темно-зеленого прозрачного стекла (рис. 3: 7), принадлежавшей, предположительно, подобному бальзамарию, происходит из погребения 92 кургана 2.

Два бальзамария небольшого размера происходят из погребений 4 и 68 кургана 2 (рис. 3: 4, 5). Оба сосуда имеют каплевидное тулово, плавно переходящее в короткое цилиндрическое горло. Дно вогнутое, без следов понтии. Размеры сосуда из погребения 4: высота — 7,9 см (тулово — 4,7 см, горло — 3,2 см), диаметр тулова в месте наибольшего расширения — 2,4 см, края венчика — 1,9 см, основания горла — 1,2 см, дна — 1,4 см. Стекло прозрачное, с голубоватым оттенком, с мелкими пузырьками и единичными мелкими включениями железной окалины. Размеры сосуда из погребения 68: высота — 8,6 см (тулова — 3,7 см, горла — 4,9 см), максимальный диаметр тулова — 2,6 см, края венчика — 3 см, основания горла — 1,2 см, дна — 1,5 см. Сосуд изготовлен из бесцветного прозрачного стекла довольно низкого качества: с довольно крупными пузырьками, включениями железной окалины, признаками непрогрева стекломассы.

Оба сосуда наиболее близки типу I2A боспорских бальзамариев, который датируется I в. (преимущественно его первой половиной) (Кунина Сорокина 1972: 157). В юго-западном Крыму в некрополе Бельбек IV известны находки этого типа, отнесенные к последней четверти I — началу II в. и даже позже (Гущина, Журавлев 2016: 69); комплексы могильника Совхоз 10 с подобными бальзамариями датированы I—II вв. (Стржелецкий и др. 2003—2004). На территории европейских провинций Римской империи такие формы датируются преимущественно I в., время их наибольшего распространения при-

ходится на 20—70/80 гг, единичные экземпляры могут относиться ко второй половине/последней трети I — началу/первой половине II вв. (Fünfschilling 2015: 402—404, Type AR-127—130; Isings 1957: 42, type 28a; Cool, Price 1985: 212—214; Lazar, 2003: 181, type 8.6.4). Как и флаконы, на западе они часто имеют иначе обработанный край венчика.

Восемь бальзамариев (т.е. примерно половина стеклянных сосудов из детских погребений) представлены формами, которые появляются во второй половине и массово распространяются начиная с конца I в. Они происходят из погребений детей возрастом от 0—1 года до 10—12 лет. Три сосуда относятся к типу I2B (рис. 4: 1, 2 и, вероятно, 3) и пять — к типу I2Г (рис. 4: 4—8). Все они имеют тулово конической или близкой ей формы и высоким трубчатым горлом, высота которого в полтора и два-три раза (соответственно для вариантов В и Г) превышает высоту тулова. Два бальзамария, представленные фрагментарно в нарушенном погребении взрослого с ребенком, где они были найдены не *in situ* (курган 2, погр. 90), также, вероятно, относятся к данным типам (рис. 4: 11, 12). Все сосуды изготовлены из прозрачного стекла с натуральным голубоватым или зеленоватым оттенком, один — из бесцветного. Они часто имеют асимметричную форму, в одном случае (рис. 4: 2) налип на дне (вероятно, след понтии) не позволяет поставить сосуд на дно. Примерно у половины изделий на дне след понтии в виде тонкой кольцевидной стеклянной нити. Качество стекла, из которого они изготовлены, разное: примерно в половине случаев оно высокое и в половине — с признаками непрогрева стекломассы, крупными пузырьками и включениями железной окалины. Сосуды этой группы имеют стандартные размеры: высота 10—12,4 см, диаметр дна — 2—3 см, края венчика — 1,5—2,7 см.

Тип I2B, судя по боспорским материалам, появившись в середине I в., получает распространение в последней четверти I — начале II в.; тип I2Г датирован 60-ми гг. I — первой половиной II в., получая широкое распространение с рубежа I—II вв. (Кунина, Сорокина 1972: 161). В Юго-Западном Крыму в могильнике Бельбек IV бальзамарий типа I2B происходит из погребения последней четверти I — начала II в.; сосуды типа I2Г — преимущественно из захоронений II в., а отдельные — из могил первой половины III в. (Гущина, Журавлев 2016: 69), в могильнике Совхоз 10 — в комплексах II—III вв.; в материалах других памятников ЮЗ Крыма их дата также

определяется концом I—III вв. (Стржелецкий и др. 2003—2004, там же см. ссылки на литературу).

Один сосуд (рис. 4: 9) относится к типу I2D, появляющемуся в начале II и получающему распространение с середины II столетия (Кунина, Сорокина 1972: 161). Он имеет низкое коническое тулово, плавно переходящее в высокое цилиндрическое горло, и вогнутое дно с кольцевидным следом понтити; форма сосуда асимметричная. Высота горла более чем в 3 раза превышает высоту тулова. Стекло прозрачное, с голубым оттенком, с множественными пузырьками, в т.ч. крупными, и признаками плохо прогретой стекломассы. Высота сосуда — 12,4 см (тулова — 2,9 см, горла — 9,5 см), максимальный диаметр тулова — 5 см, дна — 4,5 см, края венчика — 2,7 см, основания горла — 2,2 см.

В могильнике Бельбек (Юго-Западный Крым) подобные бальзамарии характерны для погребений II в. (Гущина, Журавлев 2016: 69).

В западных провинциях Римской империи (в Центральной и Западной Европе) бальзамарии с коническим туловом и высоким горлом обычно широко датируются второй половиной I — первой половиной III в. (Fünfschilling 2015: 406—407, Type AR-135; Isings 1957: type 82; Lazar, 2003: 183—187, type 8.6.6., 8.6.7, 8.6.10 и др.).

Серия бальзамариев происходит также из парного погребения женщины с ребенком (курган 2, погр. 112). К детскому инвентарю может относиться фрагмент бальзамария с коническим туловом и слабо вогнутым дном диаметром 2,1 см (рис. 4: 10).

Помимо описанных выше, из детских погребений могильника «Александровские скалы 1» происходит еще три фрагмента сосудов неопределимых форм: придонная часть стенки предположительно бальзамария темно-зеленого прозрачного стекла (рис. 3: 7) (описание см. выше) и донце сосуда (вероятно, стакана) прозрачного стекла с естественным голубоватым оттенком на полом кольцевом поддоне (рис. 2: 5) (оба происходят из погребения 92 кургана 2), а также оплавленный фрагмент горла сосуда (кувшинчика?) с изогнутой, овальной в сечении ручкой, крепящейся к сосуду в верхней части и у основания горла (курган 2, погребение 5, рис. 2: 4). На приплавившемся к горлу фрагменте стекла сохранился декор в виде накладной нити. Основа сосуда изготовлена из желтовато-оливкового прозрачного стекла; накладной декор — из белого глухого. Состояние сохранившегося фрагмента не позволяет определить форму и тип сосу-

да. При этом все три находки зафиксированы, очевидно, *in situ* (см. ниже).

Хронология могильника. К сожалению, материалы могильника «Александровские скалы 1» не дают на сегодня возможность уточнить даты стеклянных сосудов в рамках общего периода его существования. При этом вопрос о времени функционирования исследованных его участков в целом не вызывает сомнений. Нижняя хронологическая граница наиболее ранних материалов надежно определяется первым десятилетием — серединой I в.н.э. — прежде всего, монетами Динамии, Аспурга, Митридата VIII, Котиса I. Однако период обращения некоторых из них достаточно продолжителен и зачастую укладывается в I—II вв.н.э. Наиболее поздняя монета (погр. 77 кургана 2), чеканки Тиберия Юлия Савромата I (117—123 г.н.э.), учитываемая период ее обращения, могла быть помещена в погребение вплоть до последней четверти II в.н.э.

К другой категории погребального инвентаря, имеющей довольно узкие временные рамки, относятся некоторые импортные изделия ремесленной гарнитуры и фибулы. Среди наиболее ранних хроноиндикаторов данной группы — дугоконечная пряжка варианта Б (погр. 23 кургана 1: Труфанов 2004: 166; рис. 4) «маркоманского стиля» (Зинько, Шаров 2021: 74, илл. 15), датируемая второй — третьей четвертью I в.н.э. Она, вероятно, принадлежала погребенному здесь на рубеже I—II вв.н.э. ветерану боспорских вспомогательных воинских подразделений. К сожалению, подобные предметы, имеющие достаточно узкую дату, среди находок единичны.

За редким исключением, не позволяют узко датировать захоронения и многочисленные краснолаковые столовые сосуды, не говоря уже о простых красноглиняных кувшинах и мисках, основная масса которых может быть отнесена ко второй половине I—II вв.н.э.

Для многофакторной корреляции датированных элементов погребального обряда в будущем необходимо будет провести системный кластерный анализ.

Место стеклянных сосудов в погребальном обряде

Доля стеклянных сосудов, происходящих из детских захоронений, составляет 18,4% от их общего числа в «Александровских скалах 1» (21 экз. из 114 — см. табл. 1). Большинство находок (76,2%) было обнаружено в кургане 2, который в целом богаче погребальным инвентарем — 16 изделий происходят здесь

из 13 захоронений²; 5 находок (21,7%) обнаружено в 4 детских могилах кургана 1. Это соотношение довольно близко тому, что характеризует всю выборку стеклянной посуды — 27,2% стеклянных сосудов происходит из кургана 1, 72,3% — из кургана 2. Доля захоронений с сосудами в кургане 1 составляет 21% от общего числа детских могил (4 из 19), в кургане 2 она ощутимо выше — 37% (13 захоронений из 35).

В качестве важной черты погребального обряда стоит отметить отсутствие в детских захоронениях столовой стеклянной посуды — кубков, стаканов, кувшинов и пр. Единственной находкой данной категории является дно предположительно стакана из погребения 92, назначение которого в захоронении установить сложно. Ранее Н. И. Сударев отмечал среди погребальных практик азиатского Боспора помещение в могилы отдельно донцев сосудов — но для более раннего периода и для керамических изделий (2010: 453). В целом же в «Александровских скалах» столовая посуда из стекла, за редкими исключениями, происходит из мужских могил. В детских захоронениях, как и в женских, преобладают сосуды парфюмерные — флаконы и бальзамарии; в мужских захоронениях они также встречаются, являясь, вероятно, универсальным элементом погребального обряда могильника. Помимо них, детей сопровождают гуттусы, функция которых до конца не ясна, однако их связь с детскими могилами представляется бесспорной, а также миниатюрный кувшинчик, назначение которого также остается неясным.

Присутствие бальзамариев в детских захоронениях можно, вероятно, в целом считать характерной чертой погребального обряда как на Боспоре, так и, возможно, за его пределами. В «Александровских скалах 1» все бальзамарии и флаконы, происходящие из детских захоронений, изготовлены из прозрачного стекла с естественным оттенком (цветного и полихромного стекла среди них нет), а их качество примерно в половине случаев довольно низкое — формы бывают асимметричны и даже деформированы, в стекле присутствуют крупные пузырьки воздуха, куски железной окалины, признаки недостаточного прогрева стекло-массы, указывающие обычно на интенсивное использование в производстве стекло-

боя. Это подтверждает, что в погребальном обряде имело значение содержимое этих сосудов; сами контейнеры особой ценности в рассмотренных захоронениях, очевидно, не представляли. Считается, что помещение бальзамариев в могилы связано с определенным погребальным ритуалом — умещением тела умершего перед совершением захоронения; при этом сосуд, содержащий вещество, использованное для ритуала, помещался затем в захоронение (Сударев 2010: 449).

В качестве примеров помещения бальзамариев в детские погребения на Боспоре можно привести Кыз-аульский некрополь на южном побережье Керченского полуострова, некрополь Тиритаки (Гайдукевич 1959: 188—193; 216—222), некрополь Золотое на северном побережье Керченского полуострова, где их находки исключительно малочисленны (Корпусова 1983: 53), и многие другие. В могильнике городища Артезиан в Крымском Приазовье, оставленном военными поселенцами, наличие бальзамария — элемент обряда, типичный для детских погребений I—II вв. н. э. (Винокуров 2014: 128). Можно, вероятно, считать это общепринятой здесь практикой, восходящей к греческой погребальной традиции, широко распространившейся после того, как выдувные стеклянные сосуды вошли в обиход рядового населения Боспора.

Местоположение и количество сосудов в погребениях (табл. 1). Бальзамарии обычно помещались у ног (в некоторых случаях — у бедра или у голени) (курган 2, 7 погребений) или, реже, у головы погребенных (одно погребение в кургане 1 и два — в кургане 2). В одном случае бальзамарий находился в небольшой нише в борте могильной ямы. Донце сосуда в погребении 92 было обнаружено под плечевой костью. Очень часто из-за плохой сохранности детских костей местоположение сосудов по отношению к телу определить невозможно.

В большинстве случаев в захоронении присутствует один сосуд, редко — два (курган 1, погр. 62 — гуттус и кувшинчик; погр. 108 — гуттус и бальзамарий); в одном случае (погр. 92 кургана 2) ребенка сопровождали два бальзамария, стенка бальзамария и донце стакана. Кроме этих случаев, два и более сосудов происходит из комплексов, где захоронены ребенок и взрослый (курган 2: погр. 112 — два целых флакона и два фрагмента флаконов/бальзамариев). Есть случаи, когда в захоронении с двумя детьми бальзамарий сопровождал только одного ребенка (погр. 68).

Планиграфическое распределение. Крайне интересны данные по планиграфиче-

² В погребении 90 (взрослого с ребенком) два бальзамария обнаружено не *in situ*, на плитах перекрытия. Это погребение не учтено при статистическом анализе, т. к. неизвестно, кому принадлежали бальзамарии; на плане могильника (рис. 5) оно отмечено.

№4. 2023

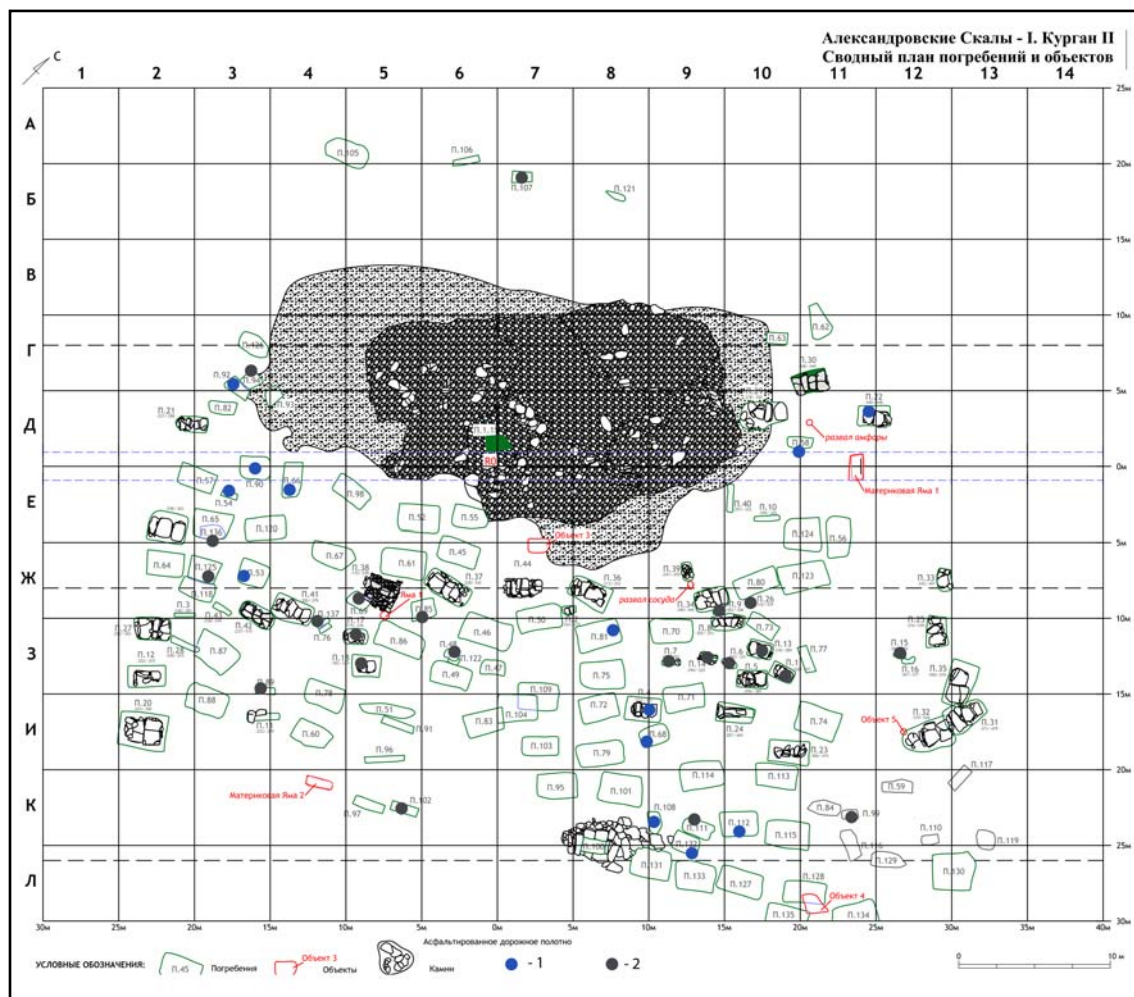

Рис. 5. План кургана 2 с обозначенными на нем детскими погребениями: 1 — со стеклянными сосудами; 2 — без стеклянных сосудов.

Рис. 5. Plan of the burial mound 2 with the marked children's burials: 1 — with glass vessels; 2 — without glass vessels.

скому распределению погребений со стеклянными сосудами в кургане 2 (рис. 5). Детские захоронения здесь сгруппированы на нескольких участках кургана, при этом четко выделяются зоны захоронений со стеклянными сосудами и без них. Детские захоронения со стеклянными сосудами расположены:

— в один ряд в центральной части южного сектора, при этом здесь присутствуют наиболее ранние типы сосудов: флаконы и балзамарии небольших размеров (погр. 4, 68, 81, 108, 112³, рис. 5), лишь один из них относится к более позднему типу I2Г (погр. 132).

³ Тип сосуда, найденного рядом с ребенком, определить невозможно, однако данное погребение является парным, и захороненную здесь взрослую женщину сопровождали флакон с шаровидным туловом раннего типа и балзамарий типа I2В с перемычкой у основания горла (признак, характерный для ранних сосудов данного типа: Кунина, Сорокина 1972).

— группой в западной части кургана и два погребения — в восточном секторе.

Отсюда происходят наиболее поздние «массовые» типы балзамариев I2В и Г и поздняя разновидность флакона (погр. 53, 54, 66, 90⁴, 92 (запад); 58, 22 (восток). Характер инвентаря из детских захоронений со стеклянными сосудами и без них не позволяет дифференцировать их по социальному/имущественному критерию. Можно осторожно предположить, что ряд захоронений с наиболее ранними сосудами в центральной части кургана связан с этапом, когда стекло, являясь предметом далекого импорта, еще не поступало к местному населению систематически. Группы в западной и восточной частях кургана, наоборот,

⁴ Это парное захоронение взрослого и ребенка нанесено на план, однако сами сосуды из него в тексте не рассматриваются: они найдены не *in situ*, и их принадлежность определить невозможно.

отражают этап более широкого распространения стеклянной посуды на Боспоре, возможно, связанный с развитием местного производства наиболее простых форм (массовых типов бальзамариев?) к концу I в. н. э. Это могло способствовать закреплению здесь в погребальных практиках такого элемента, как помещение бальзамариев из стекла в захоронения, в т. ч. детские. Это предположение, безусловно, нуждается в проверке на более широком круге материалов.

На материалах кургана 1, ввиду малочисленности здесь находок стекла в детских погребениях, аналогичные тенденции проследить не удалось.

Итоги

Стеклянные сосуды, наиболее часто встречающиеся в детских захоронениях, представляют собой бальзамарии, содержавшие ароматические масла или благовония, использовавшиеся, очевидно, в погребальных практиках, после проведения которых в могилы помещались и сами контейнеры. Невысокое качество изготовления таких сосудов, присутствующих в детских захоронениях могильника «Александровских скалы 1», дает возможность полагать, что они представляли ценность, прежде всего, как парфюмерные контейнеры,

а не как самостоятельный погребальный инвентарь. Наличие бальзамариев — признак, объединяющий детские и взрослые (мужские и женские) захоронения, позволяя предполагать общность некоторых погребальных ритуалов для взрослых и детей. В то же время, столовая посуда из стекла в детских захоронениях отсутствует, как и практически во всех женских — здесь это признак мужской погребальной культуры. Специфическим атрибутом детских захоронений являются гуттусы, однако их назначение остается дискуссионным. Планиграфическое распределение погребений со стеклянными сосудами в кургане 2 позволяет предварительно выделить два этапа распространения здесь изделий из стекла: ранний, когда все они еще были, вероятно, предметами далекого импорта, и более поздний, отражающий более широкое распространение здесь стеклянных изделий — в т. ч., возможно, местного производства, к концу I в. н. э. Преобладание на памятнике сосудов, широко распространившихся на Боспоре ближе к концу I/началу II в., говорит, вероятно, о том, что окончательное сложение некоторых элементов обряда, предусматривавшего помещение стеклянных сосудов в захоронение, могло быть напрямую связано с началом ее массового использования в регионе.

Литература

- Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В. 2018. Могильник римского времени «Александровские скалы 1» близ г. Керчь. В: Зуев В. Ю., Хршановский В. А. (ред.). *Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург: СПбГУПТД, 158—164.
- Гайдукевич В. Ф. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов). В: Гайдукевич В. Ф. (ред.). *Некрополи боспорских городов (МИА 69)*. Москва; Ленинград: АН СССР [Ленинградское отделение], 154—238.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. 2016. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Ч. 1. (Труды Государственного исторического музея 205). Москва: Изд-во ГИМ.
- Винокуров Н. И. 2014. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье. *Боспорские исследования*. Supplementum 12. Симферополь; Керчь; Киев: Оранта Арт Бук.
- Зинько В. Н., Шаров О. В. 2021. *Грунтовый некрополь Пантикапея (исследования 1990 г.)*. Симферополь; Керчь: НИЦИАК КФУ; ЦАИ БФ «Деметра».
- Зубарь В. М. 1982. *Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э.* Киев: Наукова думка.
- Корпусова В. Н. 1983. *Некрополь Золотое: К этнокультурной истории европейского Боспора*. Киев: Наукова думка.
- Кунина Н. З., Сорокина И. П. 1972. Стеклянные бальзамарии Боспора. *Труды Государственного Эрмитажа* 13, 146—177.
- Сорокина И. П. 1977. Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове. *Античный мир и археология* 3, 115—144.
- Сорокина И. П. 1990. Стеклянные капельники, или гуттусы первых веков нашей эры из Северного Причерноморья. *Проблемы археологии Евразии* (Труды ГИМ, 74). Москва: ГИМ, 71—78.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. 2003—2004. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10»). *Stratum plus* (4), 27—277.
- Сударев Н. И. 2010. Часть XI. Религия. Погребальные обряды. Глава 2. Некрополи и погребальные обряды. В: Бонгард-Левин Г. М., Кузнецов В. Д. (ред.). *Античное наследие Кубани*. Т. II. Москва: Наука, 2010. 418—472.
- Толочко И. В. 2003. *Некрополь Танаиса (начало III в. до н. э. — V в. н. э.). Опыт сравнительного изучения*. Дисс. на соиск. уч. ст. кан. ист. наук. Москва.
- Труфанов А. А. 2004. Пряжки ранних провинциально — римских форм в Северном Причерноморье. *РА* 3, 160—170.
- Шабанов С. Б. 2015. *Римское стекло. Стеклянные сосуды из собрания Центрального музея Тавриды*. Симферополь: Орианда.
- Шаров О. В. 2022. *Боспорское царство и варварский мир*

№4. 2023

- Центральной и Восточной Европы в поздне- римскую эпоху (середина II — середина IV в. н. э.). Москва: ИА РАН.
- Barkóczy L. 1988. *Pannonische Glassfunde in Ungarien*. (Studia archaeologica IX). Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Cool H.E.M., Price J. 1995. *Roman Vessel Glass from Excavations in Colchester, 1971—85*. Colchester Archaeological Report 8. Colchester: Colchester Archaeological Trust.
- Foy D., Nenna M.-D. 2001. *Tout feu, tout sable: Mille ans de verre antique dans le Midi de la France*. Aix-en-Provence; Marseille: Edisud; Musées de Marseille.
- Fünfschilling S. 2015. *Die römischen Gläser aus Augst and Kaiseraugst. Kommentierter Formenkatalog und ausgewählte Neufunde 1981—2010 aus Augusta Raurica* (Forschungen in Augst 51). Augst: Museum Augusta Raurica.
- Gregl Z., Lazar I. 2008. *Bakar: Staklo iz rimske nekropole = The glass of the Roman cemetery. Vol. 5*. Zadar: Arheološki muzej u Zagrebu.
- Isings C. 1957. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen; Djakarta: J.B. Wolters.
- Jackson C., Cottam S. 2015. 'A green thought in a green shade'; Compositional and typological observations concerning the production of emerald green glass vessels in the 1st century A.D. *Journal of Archaeological Science* 61, 139—148.
- Lazar I. 2003. *The Roman glass of Slovenia*. Ljubljana: Institute of archaeology ZRC SAZU.
- Mentasti R.B., Tirelli M. (eds.). 2010. *Altino. Glass of the Venetian Lagoon*. Treviso: Vianello.
- Ružić M. 1994. *Rimsko staklo u Srbiji*. Beograd: ČIP ŠTAMPA.
- Štefanac B. 2009. Staklene kapaljke s antičke nekropole Re-lja u Zadru. *Vjesnik za arheologiju i povijest dalmatinsku* 1, №102.
- Whitehouse D. 1997. *Roman Glass in the Corning Museum of Glass. Vol. I*. Corning; New York: Corning Museum of Glass.
- Whitehouse D. 2015. The pontil in the Roman world: a preliminary survey. In: Bayley J., Freestone I., Jackson C. (eds). *Glass of the Roman world*. Oxford; Philadelphia: Oxbow books, 57—60.
- Beilin, D. V., Rukavishnikova, I. V. 2018. In Zuev, V. Yu., Khreshanovskii, V. A. (eds.). *Bosporskii fenomen: obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira (Bosporan Phenomenon: Common and Special in Historical and Cultural Space of the Classical World)*. Saint Petersburg: Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 158—164 (in Russian).
- Gaidukevich, V.F. 1959. In Gaidukevich, V.F. (ed.). *Nekropoli bosporskikh gorodov (Necropolises of Bosporan Cities)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 69. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR [Leningradskoe otdelenie], 154—238 (in Russian).
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D. V. 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu (Belbek IV, the Roman Time Necropolis in Southwestern Crimea)*. Series: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 205 Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- Vinokurov, N.I. 2014. In *Bosporskoe issledovaniia (Bosporos Studies)*, Supplementum 12. Simferopol; Kerch; Kyiv: Oranta Art Buk (in Russian).
- Zin'ko, V.N., Sharov, O.V. 2021. *Gruntovyi nekropol' Pantikapeia (issledovaniia 1990 g.) (Flat Necropolis of Panticapaeum: Research of 1990)*. Simferopol; Kerch: Research Center for the History and Archaeology of the Crimea, V.I. Vernadsky Crimean Federal University; "Demetra" Foundation (in Russian).
- Zubar', V.M. 1982. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I—IV vv. n. e. (Necropolis of Chersonesos Taurian from the 1st—4th Centuries BC)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Korpusova, V.N. 1983. *Nekropol' Zolotoe: K etnokul'turnoi istorii evropeiskogo Bospora (Zolotoye Necropolis: towards the Ethnocultural History of the European Bosporus)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Kunina, N.Z., Sorokina, I.P. 1972. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)* 13, 146—177 (in Russian).
- Sorokina, N.P. 1977. In *Antichnyi mir i arkheologiya (Classical World and Archaeology)* 3, 115—144 (in Russian).
- Sorokina, N.P. 1990. In *Problemy arkheologii Evrazii (po materialam Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia) (Issues of the Archaeology of Eurasia: by materials of the State Historical Museum)*. Series: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 74. Moscow: State Historical Museum, 71—78 (in Russian).
- Strzheletskii, S.F., Vysotskaia, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I. 2003—2004. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 27—277 (in Russian).
- Sudarev, N.I. 2010. In Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)* II. Moscow: "Nauka" Publ., 2010. 418—472 (in Russian).
- Tolochko, I.V. 2003. *Nekropol' Tanaisa (nach. III v. do n.e. — V v.n.e.): opyt sravnitel'nogo izucheniia (Necropolis of Tanais (Early 3rd Century BC — 5th Century AD): An Essay of Comparative Study)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
- Trufanov, A.A. 2004. *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* 3, 160—170 (in Russian).
- Shabanov, S.B. 2015. *Rimskoe steklo. Stekliannye sosudy iz sobraniia Tsentral'nogo muzeia Tavridy (Roman Glass: Glass Vessels from the Collection of the Central Museum of Taurida)*. Simferopol: "Nizhniaia Oreanda" Publ. (in Russian).
- Sharov, O.V. 2022. *Bosporskoe tsarstvo i varvarkii mir Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v pozdnerimskuiu epokhu (seredina II — sredina IV v.n.e.) (Bosporan Kingdom and the Barbarian World of Central and Eastern Europe in the Late Roman Period: Mid-2nd — Mid-4th Centuries AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Barkóczy, L. 1988. *Pannonische Glassfunde in Ungarien*. (Studia archaeologica IX). Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Cool, H.E.M., Price, J. 1995. *Roman Vessel Glass from Excavations in Colchester, 1971—85*. Colchester Archaeological Report 8. Colchester: Colchester Archaeological Trust.
- Foy, D., Nenna, M.-D. 2001. *Tout feu, tout sable: Mille ans de verre antique dans le Midi de la France*. Aix-en-Provence; Marseille: Edisud; Musées de Marseille.
- Fünfschilling, S. 2015. *Die römischen Gläser aus Augst and Kaiseraugst. Kommentierter Formenkatalog und ausgewählte Neufunde 1981—2010 aus Augusta Raurica* (Forschungen in Augst 51). Augst: Museum Augusta Raurica.
- Gregl, Z., Lazar, I. 2008. *Bakar: Staklo iz rimske nekropole = The glass of the Roman cemetery. Vol. 5*. Zadar: Arheološki muzej u Zagrebu.
- Isings, C. 1957. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen; Djakarta: J.B. Wolters.
- Jackson, C., Cottam, S. 2015. 'A green thought in a green shade'; Compositional and typological observations concerning the production of emerald green glass vessels in the 1st century A.D. *Journal of Archaeological Science* 61, 139—148.
- Lazar, I. 2003. *The Roman glass of Slovenia*. Ljubljana: Institute of archaeology ZRC SAZU.
- Mentasti, R.B., Tirelli, M. (eds.). 2010. *Altino. Glass of the Venetian*

- Lagoon*. Treviso: Vianello.
Ružić, M. 1994. *Rimsko staklo u Srbiji*. Beograd: ČIP ŠTAMPA.
Štefanac, B. 2009. Staklene kapaljke s antičke nekropole Relja u Zadru. *Vjesnik za arheologiju i povijest dalmatinsku* 1, №102.
Whitehouse, D. 1997. *Roman Glass in the Corning Museum of Glass*. Vol. I. Corning; New York: Corning Museum of Glass.
Whitehouse, D. 2015. The pontil in the Roman world: a preliminary survey. In Bayley, J., Freestone, I., Jackson, C. (eds). *Glass of the Roman world*. Oxford; Philadelphia: Oxbow books, 57—60.

Статья поступила в номер 1 апреля 2023 г.

Olga Rumyantseva (Moscow, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Olga Rumyantseva (Moscova, Rusia). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei de Științe a Rusiei.

Румянцева Ольга Сергеевна (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской академии наук.

E-mail: o.roumiantseva@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5648-6079

Denis Beylin (Simferopol, Crimea). Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences².

Denis Beylin (Simferopol, Crimeea). Institutul de arheologie din Crimeea al Academiei de Științe a Rusiei.

Бейлин Денис Владиславович (Симферополь, Крым). Институт археологии Крыма Российской академии наук.

E-mail: denis_beylin1979@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5701-9402

Irina Rukavishnikova (Moscow, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences³.

Irina Rukavishnikova (Moscova, Rusia). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei de Științe a Rusiei.

Рукавишникова Ирина Викторовна (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской академии наук.

E-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2034-8659

Addresses: ^{1,3}Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; ²Academician V. I. Vernadsky Ave. 2, Simferopol, 295007, Crimea

Список сокращений

АГУ	— Абхазский государственный университет. Сухум.
АДІУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Екатеринбург / Свердловск.
АИБ	— Археология и история Боспора. Симферополь.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
АН	— Академия наук.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АП, АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АРГУ	— Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова. Актобе.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БелГУ	— Белгородский государственный университет. Белгород.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВО РАНХиГС	— Волгоградское отделение Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Волгоград.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГИАМЗ	— Государственный историко-археологический музей-заповедник.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМЗ	— государственный музей-заповедник.
ГПИ	— государственный педагогический институт.
ГУ	— государственный университет.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДагНЦ РАН	— Дагестанский научный центр Российской Академии наук. Махачкала.
ДБ	— Древности Боспора. Москва.
ЖХК	— жилищно-хозяйственный комплекс.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАИАИАНД	— Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИБ РАН	— Институт востоковедения Российской академии наук. Москва.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИрГТУ	— Иркутский государственный технический университет. Иркутск.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІКЗ «Більськ»	— Историко-культурный заповедник «Більськ». Котельва.
КБГУ	— Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова. Нальчик.
КБН 1965	— Струве В.В. (ред.). 1965. Корпус боспорских надписей. Москва; Ленинград: Наука.
КБН 2004	— Гаврилов А.К. (ред.). 2004. Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом). Санкт-Петербург: Алетея (Bibliotheca classica Petropolitana).
КБНЦ РАН	— Кабардино-Балкарский научный центр Российской Академии наук. Нальчик.
КГГИ	— Крымский государственный гуманитарный университет. Ялта.
КГОМА	— Курский государственный областной музей археологии. Курск.
КНИИТМ	— Казахский научно-исследовательский институт тюркологии и монголистики. Алматы.
кол. вкл.	— кольорова вклейка (цветная вклейка).
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Москва.
КСИАУ	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР. Киев.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Москва; Тюмень; Нижний Новгород.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МИАК	— Материалы по истории и археологии Кубани.
НА ІА НАНУ	— Научний архів Інституту археології Національної Академії наук України. Київ.
НА ІА НАНУ	— Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України. Київ
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.

НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НАО	— научное археологическое общество.
НИЦИАК КФУ	— Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь.
ОГУ	— Оренбургский государственный университет. Оренбург.
ОмГУ	— Омский государственный университет. Омск.
ОНТИ ПНЦ РАН	— Отдел научно-технической информации Пуштинского научного центра Российской Академии наук. Пушкино.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАНХиГС	— Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва.
РСМ	— Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
РУДН	— Российский университет Дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СПбГУПТД	— Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. Санкт-Петербург.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
ТОВ	— товариство з обмеженою відповідальністю (ООО).
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
ХГУ	— Харьковский государственный университет. Харьков.
ЦАИ БФ	— Центр археологических исследований, благотворительный фонд «Деметра». Керчь.
ЦП НАНУ і УТОПІК	— Центр пам'яткознавства Національної академії наук України і Українського Товариства охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ЮУрГГПУ	— Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Челябинск.
BRGK	— Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Frankfurt am Main.
CNRS	— Centre national de la recherche scientifique. Paris.
RIC	— Roman Imperial Coinage. London.
UMCS	— Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin.
ZRC SAZU	— Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti. Ljubljana.